

Мне — пятьдесят

По юношеским меркам — давным-давно, а по стариковским — совсем недавно в одном из неприемных автозаводских дворишков города Горького ребята и девчата, глядя в ночное весеннее небо, прикидывали в уме сколько же лет им будет в двухтысячном году. Год этот казался таким далеким, таким мистическим, таким многообещающим. Их вряд ли волновало тогда: кем они станут, чего добьются, каким имуществом обрастут. Сама по себе возможность «дожить до двухтысячного!» казалась благородной целью, возвышенной идеей, воспринималась как великая миссия.

Увы, не всем из тех наивных дворовых футурологов было суждено выполнить эту миссию. Мне повезло, я дожил и до двухтысячного, и до две тысячи четырнадцатого — до года своего первого настоящего юбилея. И вот мне пятьдесят. И в отличие от двенадцатилетнего Миши Полякова, беззаботно смотрящего через звездное небо во второе тысячелетие, юбилера Михаила Петровича Полякова не могут не волновать вопросы: кем стал, чего достиг и нет ли повода для мучительного стыда за бесцельно прожитые годы?¹

Однако, будучи простыми по форме, вопросы эти оказались запредельно сложными по содержанию. Как ответить на них, как оценить себя, чем измерить? Конечно же, можно измерить свое воплощение количеством детей, внуков, денег, публикаций, количеством подготовленных кандидатов наук; измерить себя, как в известном мультфильме, в «попугаях», «мартышках» или «слонях». А можно (памятуя о том, что «человек это то, что думает о нем другие») попытаться соорудить собственную самооценку из чужих мнений, высказанных в письменных рецензиях, устных дебатах, поздравительных адресах, застольных тостах, кулуарных сплетнях и т. д.

Можно охарактеризовать себя юбилейного, опираясь и на другие внешние инструменты (тесты, гороскопы, нумерологические карты и т. д.). И при этом портрет может получиться необычайно интересным, познавательным и поучительным. Однако есть опасение, что при подобном подходе описание выйдет какое-то статическое и статистическое, не совсем живое и не совсем меня. Скучная хроника полувековой жизни, надписи на стенах в стиле «Здесь был Миша П.», своеобразная презентация музейных экспонатов.

Но мне в мои пятьдесят вдруг захотелось глянуть на себя внутренним взором, через те ощу-

щения и впечатления, которыми в душе и сердце запечатлелась жизнь. Чтобы тезис «мне — пятьдесят» отозвался внутренним содержательным эхом. Чтобы посчастливилось хоть немного понять свою уже не такую короткую жизнь. Понять, хотя бы через эмоциональные подсказки ощущения возраста: «мне уже пятьдесят; мне всего пятьдесят; мне пока пятьдесят». Понять, достаточно ли высока эта возрастная «каланча», чтобы с нее было возможно целиком охватить взором прожитую жизнь и разглядеть очертания грядущего.

«Мне — пятьдесят». Как же просто в замысле мне представлялся очерк с таким названием. И думалось мне, как же оригинально будет выглядеть такой заголовок, сам текст, а вслед за ними и я². Но название это вдруг стало барьером, который заблокировал движение мысли к собственной сути. Непроизвольно за констатацией «Мне — пятьдесят»

¹ В годы моей юности в ходу были школьные тетради, на обложке которых изображались портреты великих писателей, сопровождаемые не менее великими их мыслями. И вот именно с такой обложки душа запечатлела лозунг Николая Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы...».

² К слову, особой оригинальности жанра здесь нет. Помимо автобиографий, литература видела и такие жанры, как автоинтервью и даже автонекролог.

последовало бурчание внутреннего голоса: «И что из этого?». И снова вопрос: «Действительно, что?».

И понял я, что самоочерк «Мне — пятьдесят» не станет откровением, не приоткроет ни мне, ни миру смысла и сути пятидесятилетнего М.П. Полякова. Увы, мне не удастся даже намеком ответить на вопросы, за которые по определению должен отчитаться юбиляр. А вопросы: «кем стал, чего достиг» в сознании лукаво подменяются другими формулами — «до чего дослужился, до чего доучился?» А это уже немного другие вопросы. Ответы на них хранятся в личном деле. Но в личном деле нет ответов: а насколько это было важно для меня? Было ли это целью и тем более мечтой? А стремился ли я к тому, чего достиг?

И не менее важный вопрос: а по каким аспектам собственной жизни следует подсчитывать достижения? Взрослый человек окутан узорами самых разных отношений — семья, работа, наука, дела, мечты и т. д. В контексте каждого узора тезис «мне — пятьдесят» звучит по-разному. Так какой же стороной нужно обратиться к читателю?

И здесь на подмогу мне пришел известный литературный герой Остап Бендер, который со страниц «Золотого тельника» сетовал: «Мне тридцать три года, возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор? Учения я не создал, учеников разбазарил...». И я спросил себя: «А создал ли я в свои пятьдесят лет учение, и что могу сказать по поводу учеников? И решил, что эти два штриха и будут представлять мой портрет в научном журнале.

Учение... Помнится, когда меня спрашивали, почему я не люблю ставить двойки на экзаменах, я отвечал: «Когда я создам свое собственное учение и уверю в то, что это учение сможет изменить мир в лучшую сторону, вот тогда за незнание этого учения я буду взыскивать с учеников по полной программе. Тогда пощады никому не будет». Создал ли я его? Если говорить о таком животворящем мировоззренческом учении с большой буквы, то такого учения не создано. В моей творческой копилке есть концепции и концепты, есть новые термины и понятия, очень приличные научные тексты. Но все они пока не образуют устойчивой структуры, которую можно было бы назвать учением.

Да и возможно ли сегодня в век информационных перегрузок вообще говорить об учении. Современная юридическая наука подобна той реке, в которую нельзя войти дважды. Новое сменяется новейшим, новейшее — инновационным. Сама идея накопления знаний находится в стадии переосмысления. В такой ситуации любая отрасль юридической теории весьма условно может претендовать на статус учения. Уголовно-процессуальной науки это касается в первую очередь. Но это вовсе не означает, что эра учений и открытий в юридической науке закончилась.

Но в свои пятьдесят я понимаю, что об учении нужно говорить несколько в иной плоскости. Учение — это не просто набор теоретических постулатов, которые бы давали цельное представле-

ние о каком-то фрагменте юридической материи. Учение — это сплав собственной жизни, теории и практики. Это некое цельное представление человека о том предмете, которому он посвятил большую часть своей жизни. Представление через призму жизненного опыта и мироощущения. И мечта создать хотя бы предпосылки к такому учению не оставляет меня. Есть уже и название для этого учения — «Живой уголовный процесс». Название неподъемное, но тем и привлекательное. Очень хочется надеяться, что моим ученикам посчастливится прикоснуться к этому учению и своей жизнью написать в нем собственную яркую главу.

И хочется, чтобы учение это было не просто «гербарием», набором засушенных фактов. Чтобы это было процессуальное учение, побуждающее к действию, к созиданию самого себя, к самопознанию. Книга, в которой я смог бы максимально отразить не только аспекты своего сознания, но и закоулки своей собственной души.

Так что мое учение впереди. Оно, как солнечная мечта, наполняет меня жизненной энергией, подогревает гипотезами и фантазиями. Главное, есть ощущение того, что я что-то умею, что-то реально могу. Есть желание познавать самому и других вовлекать в процесс познания. Очень хочется чему-то научить своих последователей.

Понимаю, что очень странно звучит — «научить чему-то». Но именно это «что-то» и является главным в обучении. Это «что-то» есть маленькая частичка исследовательского духа, которая переходит от учителя к ученику. Процедура этого перехода — загадка. Технологии подготовки истинных учеников не существует. Исследователи не готовятся поточным методом. Мой учитель профессор В.Т. Томин в свое время передал мне искорку, из которой возгорелось пламя исследовательской страсти. Но одной искры мало, для пламени нужны и сухие дрова, которые приходится добывать самому.

И я очень надеюсь зажечь своих учеников. Греться у пламени их исследовательского костра. И когда-нибудь испытать счастье, которое посетит мастера Амати, учителя Страдивари. Вот так описывают этот момент авторы детектива «Охота за Минотавром»:

«— Сегодня самый счастливый день моей жизни. И самый горестный, потому что является он знаменем моего конца. Ты ведь сварил вовсе не лак Амати...»

Антонио так рванулся из-за стола, что деревянная резная скамейка упала на пол. Амати так же неспешно закончил:

— Это лак Страдивари. И он... лучше знаменитого лака Амати...

Антонио хрипло сказал:

— Учитель...

Амати перебил его:

— Не называй так больше меня, сынок. Ты больше не ученик. Ты мастер, и сейчас я счастлив, что спустя века люди будут вспоминать обо мне хотя бы

ПЕРСОНАЛИИ

потому, что я смог многому научить тебя. Ты сделаешь гораздо больше, чем я».

Я горю желанием прорасти в своих учениках теми зернами, что не взошли во мне самом. Чтобы были они не подражателями, а продолжателями. И продолжателями не моего дела, а нашего общего дела, имя которому Наука. Мне очень хочется, чтобы в числе моих искренних учеников оказался и мой сын Иван, которому в год моего юбилея еще только предстоит пойти в первый класс. Чтобы сама жизнь моя, наше с ним общение оказались ему хоть немного учебным пособием в его жизни.

Мне — пятьдесят. Я дослужился до руководящей должности в том вузе, который закончил.

Я доучился до ученой степени доктора юридических наук и ученого звания профессора. Жизнь наградила меня великим Учителем. Уверен, что не оставит она меня и без великих учеников. Я познал радость научного творчества, ощутил приятное волшебство авторского соучастия в рождении нового неведомого знания. Моя форма и содержание вполне устраивают меня. Я проповедую то, во что верую.

Мне — пятьдесят. Мне есть на что оглянуться, но есть и на что посмотреть вперед. Есть ощущение, что на линейке моего сущностного роста последняя зарубка «Мне — пятьдесят» не последняя. Все еще впереди.

Заместитель начальника
Нижегородской академии МВД России
по научной работе доктор юридических наук,
профессор *М.П. Поляков*